

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Перевод справедливо рассматривается филологами как особый вид речевой деятельности, а именно - как целенаправленный речемыслительный процесс, который выполняет познавательные и коммуникативные функции посредством создания высказываний и текстов на ПЯ, эквивалентах высказываниям и текстам на ИЯ. Переводоведение дает историческое, структурное и функциональное объяснение семантико-смысловой зависимости целей, средств и результатов переводческой деятельности от целей, средств и результатов оригинального речепорождения. В теоретическом плане большое значение для переводоведения имеет, по-видимому, исследование перевода художественной прозы, прежде всего - перевода романов, поскольку они отличаются идейно-эмоциональной, образной и функционально-стилистической универсальностью¹.

Более ста пятидесяти лет тому назад французский писатель Ламартин писал, что художественная литература «является одновременно и чувством, и ощущением, и умом, и материей», что она «есть полный, совершенный язык, язык, который воздействует на всего человека: идея на разум, чувство на душу, образ на воображение и музыка - на ухо»². Подобное воздействие испытывает на себе всякий серьезный читатель, в том числе и переводчик. Однако последний, в силу своей профессии, занимает в литературно-коммуникативном процессе особое место.

В отличие от оригинального автора, воспринимающего и интерпретирующего жизненные факты и явления, а затем, с помощью своего языка (ИЯ), образно воспроизводящего их в соответствии со своим идейно-эстетическим замыслом, переводчик романов, повестей и рассказов воспринимает и истолковывает «художественную реальность», то есть образы, идею и стиль этих произведений, и, исходя из своих восприятий и толкований, а также, конечно, из своих «фоновых знаний» об изображаемой в подлиннике действительности, отбирает и использует средства своего языка (ПЯ) для передачи значения и смысла высказываний, составляющих переводимый текст³. Таким образом, мастер художественного перевода профессионально соединяет в себе эстетическую восприимчивость читателя, аналитическую проникновенность литературоведа и лингвиста, а также образотворческую речевую способность литератора, владеющего, как минимум, двумя языками.

Переводчик прозаических произведений находит в них «нехудожественные» типы речи (обобщенные, даже абстрактные, описания явлений природы, общественной и личной жизни, их логическое объяснение и оценку и мн. др.) и эстетические типы речи, имеющие изобразительную и выразительную функцию, а именно - авторское повествование и прямую речь (имитацию речи выдуманного повествователя и персонажей)⁴. В данной статье исследуется перевод авторского повествования.

Авторское повествование отличается от прямой речи своей предикативностью, то есть отношением содержания высказываний к действительности и грамматическими средствами выражения этого содержания (категориями лица, времени и модальности). В авторском повествовании изображаются события прошлого, и автор стоит вне этих событий, чаще всего как всезнающий и объективный наблюдатель, «присутствие» которого в произведении читатель ощущает, лишь когда встречается писательские комментарии. Авторское повествование создает фабулу, которая образно отражает нравственные, политические и другие отношения реальной жизни и одновременно делает эти образы знаками эстетической оценки, формирующими идею художествен-

¹ В романе, по словам Гегеля, «выступает богатство и многообразие интересов, состояний, характеров, жизненных отношений, широкий фон целостного мира» Г. В. Ф. Гегель. Эстетика, т. 3. – М., 1971, стр. 474.

² Цит. по книге: М. Арнаудов. Психология литературного творчества. – М., 1970, стр. 651.

³ Г. Р. Гачечиладзе. Вопросы теории художественного перевода. – Тбилиси, 1964, стр. 129.

⁴ См. также о типах речи в книге: М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963, гл. «Слово у Достоевского».

ного произведения. В образном проявлении жизненные отношения могут выступать как прекрасные или безобразные, возвышенные или низменные, трагические или комические⁵. В авторском повествовании многих классиков реализма персонажи оцениваются не попарно и не с помощью стилистических тропов и фигур, а преимущественно с помощью стилистически нейтральных средств языка, позволяющих сделать образ знаком ценности в результате его самораскрытия. В грамматическом плане авторское повествование характеризуется прошедшим или «историческим настоящим» временем глаголов и вариациями их категорий в косвенной и несобственно-прямой речи.

Прямую речь в художественной прозе ведут участники изображаемых событий, в том числе - и сам рассказчик, если он участник этих событий, а не постороннее лицо, не нейтральный посредник в передаче какой-либо истории (в последнем случае в прозе доминирует авторское повествование). Прямой обычно называют речь, которая непосредственно, без помощи фабулы, оценивает действительность и одновременно дает основание для характеристики говорящего как фигуры возвышенной или низкой, трагической или комической и т.п. Оценка предмета прямой речи происходит с помощью эмоциональных средств языка, стилистических тропов и фигур. Прямая речь ведется от первого лица, а время глаголов соотносится с моментом речи, то есть может быть прошедшим, настоящим и будущим, причем глаголы обеспечивают также передачу значений вида и склонения.

Перевод авторского повествования предполагает прежде всего адекватное восприятие языковых значений и связанной с ними фабулы, то есть, с одной стороны, предметного содержания единичных образов, их состояния, действия, движения и развития в конкретном пространстве и времени, и, с другой стороны, - оценочного смысла этих образов. Рассмотрим семантику образа, средства его речевого порождения в авторском повествовании и способы его воссоздания при переводе.

Образы в авторском повествовании отличаются друг от друга своими масштабами и предметным содержанием (лицо, группа лиц, их внешний вид, внутренний мир, поведение, окружающая обстановка, интерьеры, природа и мн.др.), а также характером и пределами изображаемых состояний, действий и процессов (статическое состояние, повторяющиеся, длительные действия, их начало и незаконченность или, напротив, однократные, мгновенные действия, изменения, их начало и результат). Образные впечатления от авторского рассказа переводчик получает через определенные речевые формы подлинника, а именно - через описательные высказывания, воссоздающие состояние, многократные, длительные действия, их начало и незавершенность, и через демонстрационные высказывания, показывающие однократные, мгновенные действия, их начало и результат⁶. Писатели используют эти высказывания в различных комбинациях, создавая такие композиционные единицы, как портреты, характеристики, картины, панорамы, эпизоды, сцены, и формируют из этих единиц свои хроникальные или сюжетные произведения.

Описательные и демонстрационные высказывания, как и иные, используемые в художественной прозе, образуются посредством номинации и предикации⁷. Номинация и предикация при переводе имеют вторичный характер и зависят от номинации и предикации высказываний подлинника. Эта зависимость не сводится к установлению прямого словарного и грамматического соответствия оригинальных и переведенных высказываний⁸. Номинация и предикация при переводе авторского повествования определяются прежде всего образными восприятиями переводчика и его творческой

⁵ См. об этом, например, в книге: Л. Н. Столович. Категория прекрасного и общественный идеал. – М., 1969.

⁶ См. о речевых формах, например, в книге: К. А. Долинин. Интерпретация текста. – М., 1985, стр. 149.

⁷ См. об этом в книге: Е. С. Кубрякова. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.

⁸ Прямым можно назвать соответствие между существительными, между глаголами, между прилагательными и т.п., между суффиксами, между префиксами, между окончаниями, а также, раздельно, между частицами речи. Установление такого соответствия не всегда возможно из-за разницы ИЯ и ПЯ, и оно зачастую приводит к невразумительному буквализму.

способностью изображать то, что воспринято, сохраняя семантические границы и конкретный уровень номинации, а также описательный или демонстрационный характер глагольной предикации подлинника и, конечно, его стиль.

Практической творческой задачей номинации при переводе авторского повествования является подбор таких слов и формирование таких словосочетаний на ПЯ, которые по своему предметному значению и стилистической коннотации либо адекватны (тождественны), либо синонимичны (близки, аналогичны) словам и словосочетаниям на ИЯ. Адекватность и синонимичность (их иногда объединяют термином «эквивалентность») – важнейшие свойства порождения и восприятия речи даже в условиях одноязычной коммуникации, причем синонимия может существовать между различными частями речи и между ними и грамматическими формами⁹. Подобная эквивалентность присуща также межъязыковому общению, и особенно художественному переводу, в процессе которого выбор адекватной или синонимичной единицы определяется прежде всего образным впечатлением от словесной картины, от широкого и узкого контекста, а также эстетическим впечатлением.

Особо важную роль при воссоздании образов в авторском повествовании играет предикация, то есть выбор таких языковых средств, которые могут передать на ПЯ характер и рамки протекания действий и сохранить описательность или демонстрационность оригинальных высказываний. При переводе германоязычных глагольных предикатов обнаруживается, что их плюсквамперфект может адекватно передаваться с помощью русского глагола прошедшего времени и совершенного вида, а имперфект германоязычных глаголов передается формой прошедшего времени русских глаголов как совершенного, так и несовершенного вида - в зависимости от обстоятельственных слов, сопровождающих переводимый предикат. В свою очередь русские глаголы прошедшего времени совершенного или несовершенного вида переводятся на германские языки с помощью плюсквамперфекта или имперфекта в сопровождении знаменательных обстоятельственных слов, которые выступают как синонимы русских префиксов и суффиксов, выражающих значение начинательности, прерывистости, результативности, или как лексические показатели длительности, повторяемости и незавершенности действия.

Рассмотрим некоторые примеры образотворческой номинации и предикации при переводе описательных высказываний из исторического романа Л. Фейхтвангера «Гойя» (М., 1955, пер. И. Касаткиной и И. Татариновой) и из автобиографического романа И. Р. Бехера «Прощание» («Избранное», М., 1961, пер. И. Горкиной).

Der Wagen hatte das Gittertor von Buenavista erreicht und fuhr die Rampe hinauf...	<i>Карета подъехала к решетчатым воротам замка Буэнависта и теперь поднималась вверх по откосу холма...</i> (роман «Гойя», стр. 76).
--	---

Сопоставляемые предложения состоят из двух частей - демонстрационной и описательной; перевод первой из них устанавливает прямое, адекватное соответствие наименований «карета», «решетчатые ворота», вводит дополнительное слово «замок», поясняющее испанское наименование, которое может быть непонятно русскому читателю, и передает плюсквамперфект немецкого глагола синонимичной формой ре-

⁹ Еще Ф. де Соссюр заметил, что многие морфологические и синтаксические значения могут быть выражены как грамматическими формами, так и знаменательными (служебными) словами (см. его «Курс общей лингвистики». М., 1933, стр. 130). И действительно, в описательных высказываниях часто употребляются глаголы прошедшего времени, сопровождаемые обстоятельственными словами и словосочетаниями со значением «каждый раз», «много раз», «никогда», «всегда», «часто», «время от времени» и т.п., а в демонстрационных высказываниях – словами со значением «однажды», «вдруг», «сразу», «в тот же миг» и т.п. Значение начала, прерывистости и результата действия в русском языке выражается глагольными аффиксами, а в немецком и скандинавских языках – с помощью глаголов, выражающих эти значения (например, «beginnen», «anfangen», «beenden» и т.п.), а также посредством обстоятельственных слов (типа «eine Zeitlang», «einwenig» и т.п.).

зультативного совершенного вида русского глагола, лексическое значение которого синонимично значению немецкого; перевод второй, описательной, части содержит синонимичное словосочетание «откос холма» (вместо немецкого слова «подъезд»), которое усиливает наглядность расположения замка и, совместно с добавлением обстоятельства «теперь», подчеркивает длительность и незавершенность действия, обозначаемого имперфектом немецкого глагола и несовершенным видом русского глагола «поднималась».

Трудности и удачи номинации при переводе с немецкого особенно ясны из следующих описательных примеров (роман «Прощание», стр. 414-415):

Von allen Türmen schlugen die Glocken acht, wie ein Glockenspiel.	<i>Все церковные колокола, точно куранты, вызванивали восемь</i> (вариант раннего перевода 1944 г.: « <i>Все башенные часы, словно куранты, отзванивали восемь</i> »).
---	--

В подлиннике ничего не говорится о «церковных колоколах», более достоверен ранний вариант номинации «все башенные часы», однако в этом варианте несостоятельно сравнение «словно куранты», так как башенные часы, собственно, и есть куранты; в обоих русских вариантах не переведено обстоятельственное сравнение «wie ein Glockenspiel», его опущение, очевидно, должны компенсировать глаголы «вызванивали» и «отзванивали», и все же более эквивалентной представляется, к примеру, следующая номинация: «*Все башенные часы, перезваниваясь как церковные колокола, били восемь*». Несовершенный вид русского глагола передает длительность и незавершенность действия, характер и «беспредельность» которого становятся ясными из широкого контекста, в частности - из следующего предложения:

Zwischen den einzelnen Schlägen entstand bald eine saugende Stille.	<i>Между ударами стлалась сосущая тишина.</i>
---	---

Опущение при переводе слов со значениями «отдельные» и «вскоре» делает фразу менее педантичной; если бы переводчица сохранила значение немецкого глагола «возникала», то тогда можно было бы сохранить и обстоятельство со значением «сразу», но она предпочла перевести этот семантически слишком общий глагол образной метафорой «стлалась», которая плохо сочетается с обстоятельством «сразу». Последующее описание боя часов завершается демонстрационной фразой, изображающей ситуацию после восьмого удара:

Die Stadt begann sich wieder laut und hupfend zu drehen...	<i>Город снова закружился в шумной скачке...</i>
--	--

Русское предложение дает яркий пример творческой номинации и предикации: адекватный перевод немецких слов со значением «город» и «снова» сочетается здесь с синонимичным переводом немецких обстоятельственных слов (наречия и причастия I) посредством русского предложного сочетания «в шумной скачке», которое, сохраняя звуковую и зрительную семантику немецких слов, передает ее другими частями речи (прилагательное + существительное) и, тем самым, обеспечивает передачу синтаксической функции немецких обстоятельств; с помощью приставки русского глагола «закружился» синонимично передано начало процесса, обозначенное немецким глаголом «begann», а сам процесс, представленный в оригинале инфинитивом метафорического глагола, передан русским глаголом прошедшего времени и совершенного вида, который особенно уместен во фразе, завершающей описание картины.

Выше были рассмотрены фрагменты авторского повествования, описательно воссоздающего картины внешнего мира. Однако авторское повествование может также

изобразить эпизоды с одним действующим лицом или сцены с группой персонажей. Это изображение происходит с помощью демонстрационных высказываний, которые, в отличие от описательных, воспроизводят однократные, мгновенные действия и пределы их протекания (начало и результат). Приведем типичный пример такого эпизода из романа М. Андерсена-Нексе «Пелле-Завоеватель» (Собр. соч., т. 1. - М., 1951, стр. 457, пер. С. Г. Займовского):

<p>En Dag mødte han tre Latinskole-drengene, de kastede sig straks over ham og trampede løs med deres Skolesager... Pelle havde faaet Ryggen mod Muren, han værgede sig med sin Bukserem men kunde ikke klare sig; saa satte han et kraftigt Spark i Underlivet paa den største af Drengene og stak af...</p>	<p><i>Однажды он (Пеле) повстречался с тремя учениками реального училища; те тотчас же накинулись на него и начали дубасить своими школьными принадлежностями... Пеле прислонился спиной к стене и защищался ремешком от брюк, но не мог справиться; тогда он изо всей силы пнул самого рослого из мальчиков ногою под ложечку и вырвался...</i></p>
---	--

В этом переводе есть спорные номинации, но датский имперфект и плюсквам-перфект строго передан прошедшим временем русских глаголов совершенного вида, выбор которых определялся ситуацией и словами «однажды», «тотчас же» (исключение составил глагол «защищался», передающий известную длительность действия). Вместе с тем в переводе этого романа Нексе несколько раз встречается подмена показа описанием, которая превращает эпизод в картину и, таким образом, искажает характер образности оригинала¹⁰.

В авторском повествовании вместо имперфекта глаголов нередко употребляется настоящее историческое, придающее высказываниям большую изобразительность и живость. В переводах художественной прозы германоязычные глаголы настоящего времени получают адекватное соответствие в русских глаголах настоящего времени, а иногда - в синонимичной форме прошедшего времени. В последнем случае глаголы выступают чаще всего в совершенном виде и повествование воссоздает эпизоды, как, например, в романе Нексе (стр. 349):

<p>Men pludselig faar Nilen travlt med at komme op - der lyder en skarp Stemme ude i Bageriet...</p>	<p><i>Но вдруг Нилен поспешно вскочил: в пекарне раздался резкий голос...</i></p>
--	---

Авторское повествование включает в себя описание и показ не только объективной действительности, но и субъективного мира персонажей, проявления которого в виде произнесенных или мысленно оформленных реплик и монологов воспроизводятся не только в прямой речи, но и в косвенной и несобственно-прямой речи. Сохраняя грамматические признаки авторского повествования, косвенная речь передает содержание слов и мыслей персонажа не буквально, а описательно, в форме придаточного изъяснительного, вводимого чаще всего глаголами типа «сказал», «спросил», «подумал», а также подчинительными союзами и союзными словами. Германоязычная косвенная речь характеризуется согласованием времен глаголов главного и придаточного предложения, то есть таким грамматическим правилом, которое не учитывается при переводе на русский язык, так как в русской косвенной речи сохраняются времена и наклонения прямой («Он рассказал, что работает в школе и через месяц поедет на конференцию учителей»).

¹⁰ См. об этом подробнее в статье: Г. В. Шатков. Авторское повествование в скандинавской художественной прозе и его перевод на русский язык. Сборник научных трудов МГПИИЯ. – М., 1987. – Вып. 295.

Синонимичной формой косвенной речи может быть часто используемая несобственно-прямая речь, перевод которой зависит от правильного восприятия ее двупланового характера - сочетания грамматических и некоторых лексических особенностей авторского повествования и прямой речи. В германоязычных текстах несобственно-прямая речь воссоздается с помощью глаголов в имперфекте или плюсквамперфекте и посредством специальных глагольных форм наклонения. Их употребление зависит от соотношенности содержания этой речи с моментом ее оформления. Поэтому имперфект в несобственно-прямой речи, в отличие от имперфекта в авторском описании, может обозначать состояния и действия (движения) как одновременные с моментом их обозначения или как последующие за ним. Однако когда слова и мысли персонажа относятся к нему самому, то в несобственно-прямой речи, в отличие от прямой, употребляются местоимения третьего лица. Вместе с тем несобственно-прямая речь может от имени автора воспроизводить манеру и эмоциональную окраску речи персонажа, как бы цитировать ее, подобно прямой речи. Все эти особенности учитываются при переводе на русский язык, например, в переводе романа «Гойя» (стр. 21):

<p>Wie frech er war, dieser verkrachte Student, der sich hatte nären müssen von Bettelsuppen an Freitischen. Wo wäre der Jämmerling hingekommen, wenn sich er, Francisco, seiner nicht angenommen hätte?</p>	<p><i>Ну и наглец же этот недоучка, а давно ли, кажется, он кормился дарами обедами! Что бы этот несчастный делал, если бы не он, Франсиско?</i></p>
--	--

Если бы первое высказывание выражало мнение самого автора о подмастерье Аугустине, то перевод этого предложения выглядел бы иначе, например: «Каким наглецом был этот недоучка...». Но здесь явно высказывается мнение Гойи, сформулированное в момент размышления, и потому переводчики избрали форму настоящего времени для опущенной связки именного сказуемого. Условное наклонение немецкого глагола во втором высказывании адекватно передается формой условного наклонения русского глагола, но от прямой речи это высказывание отличается употреблением местоимения в третьем лице (в прямой речи было бы «если бы не я...»). В переводе удалось также передать раздраженное состояние и разговорную манеру Гойи.

В скандинавских языках несобственно-прямая речь, обозначающая будущие действия персонажей, обычно использует глаголы в форме имперфекта и кондишуналиса I. Эти формы переводятся на русский язык с помощью глаголов будущего времени:

<p>Saa en Dag traf han en Kyst der behagede ham ...</p> <p>Han skulde udpaaa Landet og forsørge sin gamle Fader...</p>	<p><i>Когда-нибудь он причалит к берегу, который ему придется по душе... (роман «Пелле-Завоеватель», стр. 312). Он вернется в деревню и будет заботиться о своем старом отце... (там же, стр. 326).</i></p>
--	---

Если же будущие действия представляются персонажу в момент фантазирования, то тогда имперфект глаголов авторского повествования может передаваться синонимичной изобразительной формой настоящего времени русского глагола (контекст: *подросток Пелле бежит, предаваясь мечтам*):

<p>Og ved Julegilderne svang han de trinde Gaardsmandsdøtre. Der blev Hvisken i Kragene naar Pelle traadte ind...</p>	<p><i>А на святочных вечеринках он кружит в танце пышных дочек хуторян. По углам перешептываются, когда Пелле входит в дом... (там же, стр. 363).</i></p>
---	---

Большое значение для переводчиков художественной прозы имеет вопрос о передаче стиля описательных и демонстративных высказываний оригинала. Авторское повествование, даже самое нейтральное стилистически, всегда содержит коннотацию, выражающую его отношение к книжной и разговорной речи¹¹. Это отношение имеет свою историю. Однако в данной статье нам важно отметить, что в конце XIX столетия и в XX веке в связи с усилением интереса писателей к психологии человека удельный вес разговорной речи в авторском повествовании, а также в репликах и диалогах персонажей значительно вырос. Некоторые писатели, например К. Гамсун, принципиально защищали теорию «природной стихийности» поведения и сознания людей и имитировали эту стихийность как в авторском повествовании, так и в прямой речи действующих лиц. Знание указанной тенденции помогает переводчикам современной литературы преодолевать в своей работе элементы литературного «сглаживания», излишней книжности. Приведем примеры такого «сглаживания» и его преодоления в двух различных переводах начального абзаца романа К. Гамсуна «Мистерии» (ранний перевод М. П. Благовещенской, Л., 1935, стр. 3; поздний перевод Л. Лунгиной в «Избранных произведениях». М., 1970, т. 1, стр. 195):

Ранний перевод	Поздний перевод
<p><i>В прошлом году, в середине лета, один маленький норвежский приморский городок сделался театром некоторых, в высшей степени необычайных событий.</i></p> <p><i>В городе вдруг вынырнул незнакомец, некий Нагель, замечательный и оригинальный шарлатан, натворивший массу самых удивительных поступков и затем исчезнувший так же неожиданно, как он появился.</i></p>	<p><i>Весьма загадочные события произошли прошлым летом в маленьком норвежском городке на побережье.</i></p> <p><i>Неожиданно для всех там появился какой-то странный тип, некто Нагель, натворил невесть что и исчез так же внезапно, как и прибыл.</i></p>

В раннем переводе сложная структура первого предложения (сказуемое, выраженное возвратным глаголом и составной именной частью, к которой относятся несогласованные и согласованные определения) сразу вводит читателя в кодифицированную, книжно-упорядоченную речь. Иной строй предложения обнаруживается в позднем переводе, где используется инверсия: именная часть сказуемого превращена в подлежащее, а сказуемое выражено активным, непереходным глаголом «произошли» и, таким образом, смысл предложения (новое) передается с помощью разговорного средства - интонации.

Во втором предложении поздний перевод усиливает разговорный характер номинации: вместо причастного оборота с книжным, немного архаичным оттенком «натворивший массу самых удивительных поступков» в нем употреблено разговорное словосочетание «натворил невесть что», вместо литературной оппозиции «незнакомец, замечательный и оригинальный шарлатан» употреблено разговорное сокращение «какой-то странный тип». Такое усиление разговорности в позднем переводе несколько отклоняет его от «буквы» подлинника, но зато передает его «дух» и делает его более доступным для современного читателя.

¹¹ Как известно, книжная речь представляет собой сознательное использование нормализованного, кодифицированного языка; она связана с предварительным обдумыванием высказываний и отбором для них языкового материала в целях общественно-значимого сообщения и воздействием, тогда как разговорная речь, обслуживая сферу частных, неофициальных, чаще всего бытовых отношений, отличается спонтанностью, непринужденностью, неподготовленностью и потому она использует некодифицированный язык, отклоняющийся от норм кодифицированной речи (см. об этом, например, в книге «Русская разговорная речь». - М., 1973).